

БУНТОВЩИЦА

ПРОЗА

ЕЛИЗАВЕТЫ

АЛЕКСАНДРОВЫЙ-ЗОРИНОЙ

ЕЛИЗАВЕТА
АЛЕКСАНДРОВА-ЗОРИНА

СЛОМАННАЯ КУКЛА

МОСКВА
2016

УДК 821.161.1.31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А46

Оформление серии — *Сергей Власов*
Автор фотографии на обложке — *Ирина Полярная*
Автор иллюстрации на обложке — *Николай Ларин*

Александрова-Зорина, Елизавета.

А46 Сломанная кукла / Елизавета Александрова-Зорина. — Москва : Издательство «Э», 2016. — 352 с. — (Бунтовщица. Проза Елизаветы Александровой-Зориной).

ISBN 978-5-699-86154-5

Ива Нова — практикующий психолог и тренер. Ломает характеры, переписывает чужие судьбы, ставит изощренные психологические эксперименты. В них она раз за разом доказывает всем, и себе в первую очередь, что человек — лишь заложник предложенных обстоятельств, а его «я» — сумма заданных условий... До тех пор, пока сама не становится жертвой чудовищного психологического эксперимента.

УДК 821.161.1.31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-86154-5

© Александрова-Зорина Е.,
текст, 2016
© Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2016

«Человек болтается на своем имени, как рыба на крючке», — учила она, веря, что, изменив его, можно выправить линию судьбы. Ее имя было заново, как старое платье, и, разрубив фамилию пополам, она стала Ивой Новой, забыв, как ее звали прежде. У нее не было семьи, не было прошлого и воспоминаний, как будто ее, как куклу, достали из коробки с игрушками. Она приехала из маленького городка, название которого вычеркнула из памяти, и жила по выдуманной легенде, словно разведчик в чужой стране, а друзья знали о ней только то, что она женщина и ей тридцать лет. «Жизнь — книга, и ее можно читать задом наперед, вырывая лишние страницы», — смеялась она, переписывая свою биографию, и носила вымышленные воспоминания, как часть гардероба, делясь лживыми чувствами и небывалыми историями.

У Ивы были ржанные волосы и тонкие, готовые вот-вот лопнуть губы, на которых улыбка, как кошка, гуляла сама по себе. Она была не глупа, избегала по карьерной лестнице через две ступеньки и расписывала свою жизнь на годы вперед, считая, что в ней все должно идти по плану. Едва проснувшись, она составляла расписание на день, а вечером, согнувшись над ежедневником, подводила итоги. Даже во сне совещания сменялись у нее деловыми обедами, а

бумажная волокита — психологическими тренингами, на которых она учила тому, чего не знала сама, — и вся ее жизнь превращалась в длинный-длинный день, который никогда не заканчивался. Как все одинокие женщины, она говорила только о себе, думала только о себе и жила только для себя, и каждое утро, выпив чашку крепкого кофе, от которого кровь бегала по жилам, как новый жилец, осматривающий дом, загибала пальцы, повторяя все, чего собиралась достичь. А отправляясь на работу, говорила своему отражению в зеркале: «Сегодня я сделаю все, что наметила, и этот день будет успешным, как и вся моя жизнь...»

На днях она купила квартиру в центре города, в тихом проулке, где жались друг к другу старые особняки с латаными, нахлобученными, как шляпы, крышами, а на балконах с коваными решетками цвели анютины глазки. Посреди комнаты был брошен матрас от кровати, разобранная мебель грудилась в спальне, вещи лежали в запечатанных коробках и сумках, а банковский кредит висел камнем на шее, но Ива, катаясь по полу, визжала от счастья. Комнату она оклеила афишами со своими портретами, и со стен на нее смотрели Ивы Новы, с вязкими глазами и нарисованными улыбками, которые приглашали на свои тренинги, чтобы вправить вывихнутую судьбу. По четным дням портреты казались Иве ее зеркальными отражениями, а по нечетным — незнакомками, читающими ее мысли, как линии на руке, и ночами, когда луна заливала комнату светом, она долго ворочалась, чувствуя, как их взгляды щекочут ей шею.

Отмечать новоселье приехали подруги, блондинка, крашенная в шатенку, и шатенка, крашенная в блондинку, обе болтали без умолку, перебивая друг

друга, ахали, поглаживая стены, и, свесившись с балкона, завистливо присвистывали.

— Сча-стливая ты! — ломая слова пополам, заикалась блондинка.

Весь вечер пили терпкий коньяк, курили кальян, от которого щипало язык, обсуждали общих знакомых и, раскладывая карточную колоду, гадали, пока дамы не менялись местами с королями, а карты не ложились так, как хотелось.

— Был у меня один чужак, — разливая по бокалам, начала Ива. — Сбил бомжа насмерть и скрылся.

Подруги пожали плечами:

— Что же, за решетку садиться?

— Мо-жет, он сам бро-сился?

Ива скривилась, перекрестив рот пальцем:

— Не перебивайте! Он приехал домой, поужинал, посмотрел телевизор. Принял снотворное и лег спать. Утром пошел на работу... А вечером потянуло на место аварии. Там, конечно, никаких следов. Он вышел из машины, покрутился, даже пятна крови разглядел на асфальте, а может, ему померещилось. Перед сном выпил пару таблеток, но всю ночь мучили кошмары. Утром, не выдержав, сознался жене.

— А она?

— Повторила ваши слова. Но вина не отпускала. Он пошел в церковь, пожертвовал бродягам с паперти, купил бутылку, распил с другом и, не удержавшись, все выложил и ему. Тот похлопал по спине, мол, наплюй, может, бомж и не погиб вовсе... Он рассказал все у меня на тренинге, ждал, что его осудят, но, пожал плечами, все ответили, что поступили бы так же. А мужику становилось все хуже. Он проводил дни на перекрестке, где сбил бомжа, спрашивал прохожих про аварию, приставал, хватал за руки, плакал, так что кто-то, испугавшись, вызвал поли-

цию. Он выложил все приехавшему патрулю, но полицейские, посочувствовав, посоветовали забыть.

— И не арестовали?

Ива покачала головой.

— Откупился?

— Да нет же, его просто отпустили. Он вернулся домой, поужинал, посмотрел телевизор. И, оставив записку, в которой во всем признался, выбросился из окна.

В комнате повисло молчание.

— Хороший был человек... — едва слышно пробормотала шатенка.

Ива закрыла глаза. Взвизгнули тормоза, бомж, закрывая лицо, со стуком упал на капот. Резко сдав назад, она сбросила его на дорогу и, случайно проехавшись колесом, умчалась, спрятав машину в одном из дворов. Взяв тряпку, вытерла заляпанное кровью стекло, осмотрела вмятины на капоте и покривившийся номерной знак. Убрал волосы под платок, нацепила черные очки и, закрыв машину, отправилась на место аварии.

Вокруг лежащего бродяги собрались зеваки, смуглый торговец из овощной лавки, оживленно жестикулируя, показывал на дорогу, где скрылась машина, женщины протыкали скрюченными пальцами сломанный светофор, а маленький мальчик, которого бабушка крепко держала за руку, растирал носком ботинка красные разводы на асфальте. Привстав на цыпочках, Ива пыталась разглядеть бомжа.

Вдали гроыхнуло, и на щеку упала холодная капля, потом другая. Дождь застучал по асфальту, и, прячась под сумками, прохожие стали разбегаться, так что скоро Ива осталась одна. Дождь смывал с бомжа кровь и грязь, стекал слезами по лицу Ивы, которая стояла над телом, ничего не чувствуя. Бро-

дяга смотрел на нее застывшими глазами, и, прежде чем уйти, она, сняв пальто, накрыла его с головой.

— Люди не плохие и не хорошие, — зевая, сказала Ива, вынырнув из воспоминаний. — Не добрые и не злые. Они такие, какими их делают обстоятельства. Сегодня одни, завтра другие.

Провожая подруг, она сбросила халат, накинув плащ на голое тело, чтобы почувствовать, как мурашки, спускаясь по телу, щекочут низ живота. Ей необъяснимо хотелось раздеваться на людях, посреди улицы или в атриуме торгового центра, где в дни распродаж негде спрятаться от случайных прикосновений, или на совещании в просторной переговорной комнате без окон, в которой теряешь счет времени, или на тренинге, забравшись голышом на стул перед ошарашенными учениками. Пытаясь разгадать странное наваждение, Ива гнала от себя мысли, что устала притворяться и с одеждой хочет сбросить с себя выдуманные истории и чужие мечты. Однажды ночью она, озираясь, вышла из машины в безлюдном переулке и, проклиная все на свете, стащила с себя джинсы и футболку, оставшись в нижнем белье. Ей все время слышались гулкие шаги, и она дрожала, больше от нелепости происходящего, чем от холода, а когда уже решила снять трусики, из-за угла вынырнул какой-то мужчина. Вскрикнув, она укрылась в машине, бросив на дороге свою одежду, и с тех пор не пыталась больше повторить этот опыт.

— Ключи не забудь! — сказала шатенка, сунув ей в карман связку.

Из подъезда выскочили с пьяным хохотом, в сетке звенели пустые бутылки, и машины, на которые девушки падали, корчась от смеха, визжали сигнализациями, распутивая дворовых кошек. Раскрыв му-

сорный бак, Ива швырнула в него сетку, и бутылки звонко разбились о пустое дно.

— Я тебя люблю, — растягивая слова, обнимались они, — и я тебя люблю, и я тебя люблю...

Таксист нетерпеливо посигналил, и подруги неуклюже забрались в машину.

— Отличный был вечер, приезжайте чаще, — подняв воротник, помахала вслед Ива.

Набирая код, она сломала ноготь и, чертыхаясь, ввалилась в подъезд, подталкиваемая в спину холодным ветром. На цыпочках прошла мимо спящей консержки, уронившей голову на грудь, в лифте долго смотрелась в зеркало, строила рожицы, дула губы и, облизнув палец, стирала поплавшую тушь, пока не поняла, что забыла нажать кнопку этажа.

Она достала связку ключей, долго перебирала ее, а потом, чертыхнувшись, ударила кулаком по двери. Ключи были от офиса. Ива дернула ручку, но квартира была заперта. Проверила все карманы, выгребла мелочь, перемешанную с хлебными крошками, рванный театральный билет, засохшую помаду, складной нож с резной ручкой, украшенной искусственными камнями, и еще раз со всей силы дернула дверь, словно она могла вдруг открыться. Выдохнув, Ива сползла по стене, уткнувшись лицом в голые колени, и чуть не расплакалась.

Утопив кнопку звонка, разбудила соседей. Собачонка захлебнулась лаем, слышались шаги, но никто не открыл.

— Я ваша новая соседка! — прижавшись к холодному замку губами, прокричала Ива. — У меня дверь захлопнулась!

Собачонка стихла. Ива еще раз позвонила, но выключенный звонок не отозвался. «Вот уроды!» — выругалась она и постучала в соседнюю дверь.

Лысоватый мужчина смотрел на нее через дверную цепочку, поправляя задравшуюся майку, и Иве казалось, что его маленькие, юркие, как мыши, глаза вот-вот испуганно разбегутся в разные стороны.

— У меня дверь захлопнулась, — надула губы Ива, пьяно пошатываясь. — Поможете?

— Вы хотите, чтобы я ее сломал? — заикаясь, удивился сосед.

Она вздохнула, оглядев в дверную щель его расплывшую, дряблую фигуру.

— А вы сможете?

Мужчина замотал головой.

— Ну, хоть в МЧС позвоните...

Дверь захлопнулась, и тишина в подъезде стала такой густой, что ее можно было потрогать руками. Ива опустилась на ступеньки. Туфли, надетые на босые ноги, натерли мозоли, и, разувшись, она разглядывала кровившие пальцы. Сосед, стараясь не шуметь, подкрался к глазку, и было слышно, как, словно большие суставы, скрипели под ним старые половицы. Она чувствовала, что он смотрит на нее, привстав на носках, и, не удержавшись, показала язык.

Скучая, достала складной нож, щелкнув застезжкой, развернула его, оголив лезвие. Зевнув, заглянула под коврик, словно надеялась, что там, как в детстве, хранился запасной ключ, еще раз подергала ручку, поковыряла ножом в замке, затолкала в него офисный ключ, едва не сломав, и, взорвавшись, принялась бить по двери, выплескивая скопившуюся досаду. Снова залаяла собачонка, царапавшаяся у порога.

Ива сползла на пол, вытянув ноги, и принялась бессмысленно прилаживать сломанный ноготь. От вина во рту было вязко и хотелось пить. Она представила,

как соседи спят, ворочаясь под пуховыми одеялами, и ее, словно высокой волной, окатило яростью.

— Сво-оло-о-чи-и-и-и-и! — прокатился по этажам ее крик.

Она вбежала босиком на последний этаж и позвонила во все двери долгими, настойчивыми звонками. «Кто?» — донесся заспанный хриплый голос, а Ива, скатившись по лестнице, словно с ледяной горки, принялась звонить и стучать в квартиры на нижних этажах. Плащ распахнулся, обнажив голое тело, волосы взъерошились, сбившись в лохматый сноп, и когда вызванная соседом бригада МЧС вышла из лифта, Ива хохотала, слушая хлопанье дверей и сонный, неразборчивый мат, посылаемый разбуженными соседями в пустоту.

— У меня дверь захлопнулась, — кутаясь в плащ, объяснила она спасателям и, вытирая заплаканные от смеха глаза, попыталась сделать серьезное лицо. — А ключи — от офиса, — позвенела она у них перед носом бесполезной связкой.

— Это ваша квартира? — спросил спасатель, с сомнением разглядывая ее.

— Моя.

Шаркая тапками, по лестнице поднялась консьержка.

— Это не хозяйка квартиры, — покачала она головой. — Первый раз ее вижу.

— Что?! — возмутилась Ива. — Вы ослепли или выжили из ума?

— Ваша квартира или снимаете? — переспросил ее спасатель.

— Моя! — разозлилась Ива. — Я купила ее буквально на днях.

Мужчины жевали губы и неловко перетаптывались.

— Вы прописаны?

— Еще нет. Долгое оформление, банковский кредит, ну, вы понимаете...

— Я не знаю, кто эта женщина! — не унималась консьержка. — И я вам не позволю ничего ломать!

— А прежние хозяева? — чесали затылки спасатели.

— За границей.

Они переглянулись, и у Ивы пробежал холодок по спине.

— Вы взломаете дверь?

— Никто ничего не будет ломать! — ругалась консьержка. — Я не знаю, кто эта женщина! Она тут никогда не жила!

— Старая ведьма врет! — пыталась перекрычать ее Ива.

— А ваши документы? Паспорт? Что-нибудь?

Ива распахнула плащ, и консьержка перекрестилась.

— На мне трусов нет, а вы спрашиваете документы, — она ударила кулаком по двери. — Взломайте ее, и я вам их покажу.

Мужчины уставились на нее, считая родинки на животе, а когда Ива застегнула плащ, пожав плечами, вызвали лифт.

— Не имеем права, у нас инструкция. Зачем нам неприятности? — попятились они спиной в раскрывшиеся двери. — Документов нет, квартира чужая. Не имеем права... Инструкция...

— Инструкция? Смеетесь? Сколько стоит ваша инструкция? Я заплачу, двойную, тройную цену!

Мужчины только помотали головами.

— Жалкие идиоты, — тихо выругалась Ива.

— Сходите к участковому! — крикнули ей уже из спускающейся кабины.

Утро было похоже на мутный кисель, которым город окатили с головой, и чернявые дворники, выскребающие клочья тумана, казались безногими призраками, плывущими, отталкиваясь от земли лохматыми метлами, словно веслами.

У закрытого метро толпились угрюмые люди, из подворотен, как черти, выскакивали чумазные бомжи, которые протягивали руки, кусая от голода воздух, и Ива, шарахаясь от корчившихся в витринах безголовых манекенов, щипала себя за руку, пытаясь проснуться, сбежав из дурного сна. Она шла мимо зашторенных окон, устало мерцающих фонарей, закрытых продуктовых лавок, развороченных тротуаров, из которых, как сломанные кости, торчали куски труб, мимо летних кафе с пустыми столиками, где, присев на колченогий стул, переводила дух, сбросив туфли, пока заспанный официант, выползавший с меню, которое держал под мышкой, не прогонял ее, и ей казалось, что она идет по городу, в котором никогда не была прежде.

Сняв тесные туфли, она прошла три квартала босиком, сбив ноги в кровь, прежде чем над ней навис бизнес-центр, стеклобетонное стоглазое чудовище, втиснувшееся между низкорослыми домами. Попросив у прохожего сигарету, Ива растянулась на скамейке, пуская в небо колечки. На ногах вздулись мозоли, тело ломило и ныло, а под обломанными ногтями собралась грязь, и, сплевывая горькую слюну, она разглядывала пустые окна бизнес-центра и вспоминала свои тренинги. Иве хотелось смеяться, громко, надрывно, словно хохот разрывал ее изнутри, хотя было совсем не смешно.

На смехотерапию к ней приходили скучные и нервные менеджеры, все время оглядывавшиеся, словно кто-то следил за ними. Их биографии были

написаны под копирку, а мечты срисованы с рекламных буклетов, и стоило заглянуть в их выцветшие водянистые глаза, как сводило скулы от зевоты. Мужчины рассаживались в зеркальной комнате, в которой множились их отражения, а Ива, оседлав стул, засекала время по часам. По ее условному сигналу лица трескались улыбками и, глядя друг на друга через зеркала, мужчины начинали смеяться. Глаза, пустые и вязкие, оставались серьезными, а рты скалились в неестественных гримасах, но зеркала сотрясались от натужного хохота, и казалось, что им безумно смешно. Слезы брызгали из глаз, змейками стекая по щекам, а шеи покрывались красными пятнами, и мужчины, корчась от смеха, показывали пальцем на свои отражения, которые хохотали, показывая пальцем на них. Бросив взгляд на часы, Ива хлопала в ладоши, и хохот обрывался. Несколько смешков вязли в звенящей тишине, и мужчины, доставая платки, утирали мокрые от слез лица. Они уходили с тем чувством, какое бывает, когда откидываешься на подушках после страстных объятий, и улыбки висели на их ртах, словно мокрые простыни на бельевых веревках.

Затушив окурок, Ива расхохоталась, и уборщик, собиравший мусор в огромный черный пакет, с удивлением посмотрел на нее.

— Я сегодня пораньше, только пропуск забыла, — как ни в чем не бывало улыбнулась Ива охранникам и прошла, стараясь не думать о мятом плаще и голых, покрывшихся кровоподтеками ногах.

В коридорах было непривычно безлюдно и тихо, за дверью охраны бормотал, как выживший из ума старик, телевизор, таращились по углам камеры слежения, и Иве вдруг захотелось бросить в одну из них